

Гончаров Игорь Анатольевич

*доктор философских наук, профессор,
Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина,
заведующий кафедрой*

АНТИНОМИИ СОЦИАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМ ПЛАТОНА*

Аннотация: Статья связана с выяснением общественно-политического значения платоновского учения о государстве. Речь идет о возможности отнесения данного учения к т.н. социалистической традиции. Т.е. речь идет о том, можно ли считать учение Платона своего рода инвариантом, организации социалистического быта. В статье выявлены четыре основные антиномии социализма, с тем, чтобы выяснить возможность применимости понятия социализм к учению Платона. Это противоречие между социальным проектом и политической реальностью, противоречие между коллективизмом и индивидуализмом, противоречие между простым и сложным трудом, противоречие между производством и распределением. В результате проведенного анализа было выяснено, что из четырех антиномий лишь одна может быть свойственной учению Платона, во всех же остальных случаях кажущийся социализм Платона исходит из совершенно иных источников.

Ключевые слова: социализм, антиномия социализма, самотождественность души, мудрость, справедливость.

Igor Goncharov

*Doctor of Science in Philosophy, Professor,
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin*

ANTINOMIES OF SOCIALISM AND THE SOCIALISM OF PLATO

Summary: The article deals with the meaning of the social and political Plato's conception of government. Can we classify this learning as the socialist one? Can we deal with this learning as with the paradigm of socialism? In article considers the fore

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-11190 «Роль политических идеологий в истории России и проблема национально-государственной безопасности».

antinomies of socialism: social project and real policy, individualism and collectivism, simple labor and skill, production and distribution. As a result of our research we note that only one antinomy of the fore coincides with the socialist one. In other cases so called Plato's socialism founds on another grounds.

Keywords: *socialism, antinomy of socialism, selfidentity of the soul, wisdom, justice.*

Появившись в 19 веке в работе Пьера Леру в 1834 году «Индивидуализм и социализм», понятие социализм, предопределило практически всю историю общественной мысли в XIX веке. В истории социализма как утопии, идеологии и общественного движения период XIX века можно было бы определить как утопически-теоретический период. Это время создания моделей общественного быта основанного в той или иной степени на принципах общественной собственности. Определяя русскую социалистическую мысль конца XIX века, П. Аксельрод ассоциировал ее с бакунизмом, что представляло собой как бы два уровня этой мысли, утопический проект с одной стороны и абстрактные призывы к бунту на основе инициативы масс [1; 474–475]. Таким образом, можно было бы обозначит первую антиномию социализма, вскрывающуюся уже в рамках т. н. утопически-теоретического этапа его развития. Вкратце ее можно обозначить как несовместимость социального проекта общественного переустройства и реально существующей политической системы общества.

Ряд антиномий вскрывались непосредственно при анализе значения термина социализм. Уже в статье П. Леру социализм противопоставляется индивидуализму, подразумевая тем самым возможность антиномии. В дальнейшем именно вокруг этих понятий разворачивается основная дилемма понимания природы социализма. В русской политической мысли XIX–XX века были также обозначены различные позиции по данному вопросу начиная с работ В. Соловьева и Н. Бердяева, отрицающих возможность совмещения социализма и индивидуализма и заканчивая работами Туган Барановского, отстаивающего не только совместимость данных понятий, но настаивающего на их практическом совпадении по спектру возможных значений.

Третья антиномия не столь явная связана с понятием труда при социализме. Определяя количество и качество труда в Капитале, К. Маркс пришел к выводу о том, что существуют два типа труда простой и сложный, тем самым, подразумевая возможность сведения сложного труда к простому, или наоборот, за счет суммирования временных затрат с учетом соответствующего коэффициента. «Простой средний труд хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи,

темине менее, для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только возведенный в степень или, скорее помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого труда»¹ [7; 54]

Таким образом, была практически уничтожена т. н. качественная составляющая процесса труда, составляющая творческое начало трудовой деятельности.

Данная антиномия количественного и качественного понимания труда переходит в достаточно известную антиномию производства и распределения при социализме. Наиболее коммунистически-утопический взгляд в русской общественной мысли был высказан П. Лавровым в связи с выходом работы А. Шефле «Сущность социализма» на русском языке: «Мне кажется, что сам принцип «оплаты» работы не может, с этой точки зрения, иметь места в будущем обществе. Плата большая или малая лишена всякого значения для личности, которая и без того обеспечена в своем развитии. Как оплатить определенный труд работника в общественном строе, где он и без того обязан отдавать на общественное дело все свои силы и где общество, со своей стороны, обязано давать ему все необходимое из общего имущества?». [5;124–125]

Таким образом, условно можно выделить четыре антиномии социализма как общественно-политического учения. Во-первых, это не соответствие социального проекта политической реальности; во-вторых, это противоречие между индивидуализмом и коллективизмом; в-третьих, это противоречие между простым и сложным трудом; в-четвертых, это противоречие между производством и распределением.

Поскольку некоторые русские социалисты рассматривали Платона как основателя социализма (в частности уже упомянутый Туган-Барановский [8]), да и не только русские социалисты, достаточно вспомнить первый том «Открытого общества и его врагов» К. Поппера, чтобы понять, что на сегодняшний день в научной и общественно-политической мысли данная точка зрения стала общепринятой.

В данной статье мы не случайно обратились к антиномиям социализма, поскольку считаем, что если и говорить о социализме как некоем «внеК.Н.историческом идеале», то и основные его характеристики, в том числе и антиномии, будут носить инвариантный характер. В этом отношении попробуем оценить, насколько учение Платона укладывается в рамки социализма как общественно-политического учения.

¹ Маркс. К. Капитал. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 54.

Первая указанная нами антиномия свойственна и учению Платона. Тем не менее, отрыв социального проекта от политической реальности является существенным элементом утопического сознания, вне зависимости от общественно-политической направленности утопии, поэтому здесь мы можем говорить о социализме Платона на весьма абстрактном уровне.

Вторая антиномия не оставляет, казалось бы, нам никаких сомнений относительно того, что по отношению к индивидуализму и коллективизму Платон занимает крайнюю, почти коммунистическую позицию. Примером, подтверждающим эту точку зрения будет один многих фрагментов из «Государства», подтверждающий коллективизм Платона... «Нужно решить, ставим ли мы стражей, имея в виду наивысшее благополучие их самих, или же нам надо заботиться о государстве в целом и его процветании» (421c).

Вместе с тем, как нам кажется, следует вместе с Платоном продолжить исследование того, что составляет цель жизни каждого человека, и что собой представляет индивидуальная душа. Как утверждал Туган-Барановский в упомянутой работе, метафизический идеализм Платона еще не знает кантовского морального оправдания индивидуальной души и именно поэтому он не носит современного характера.

В последней книге Государства Платон обращается к теме самоидентификации души (611b–e). Ранее эта тема рассматривалась им в диалоге Федон (93–94), где Платон пришел к выводу о том, что ни одна душа не может быть в большей или меньшей степени душой, т. е. душа является субстанцией. Продолжая в Государстве тему неуничтожимости души, Платон приходит к тому, что душа самоидентифицируется, и поэтому неуничтожима, даже будучи поражена множественными пороками. Тожественная сущность души в наибольшей степени познается, когда она занята соответствующими ее природе предметами, т. е. истинным и прекрасным.

Будучи помещен в конец диалога этот фрагмент, отнюдь не случаен, он как бы дает истинную цель государства, т. е. формирование души соответствующей своей природе. Если учесть то, что до этого, Платон критикует изобразительные искусства, то мы получаем следующее рассуждение. Лицо, т. е. то что мы связываем с индивидуальностью таковым не является, поскольку образ создается художником и внешним наблюдателем. Сама же индивидуальность — это движение к ее самоидентифицируемости, т. е. по выражению П. Флоренского к лику, исходному человеческому образу. [9;20–21]

Таким образом, тема самоидентифицируемости души вновь возвращает нас к теме сакрального значения гражданских добродетелей в целом, и платоновского государства в частности [3;194–207] В этом контексте снимается

противоречие между коллективизмом и индивидуализмом, поскольку цель подобного общественного устройства выход за пределы профанного пространства с его противоречиями. Так, выявление подлинной сущности души становится основанием справедливости и совершенного общественного устройства. Можно сказать, что Платон знает только одну индивидуальность, обосновывающую и завершающую государственное устройство. В этом отношении может и имеет смысл относить Платона к коллективистам, но необходимо учитывать, что само противоречие индивидуальности и коллектива им не воспринималось как антиномия, но как последовательные стадии создания государства на основе базового элемента — справедливости.

Обращаясь к третьей антиномии, мы должны задаться вопросом о существовании т. н. простого труда в государстве Платона. Как нам представляется, простой труд, т. е. применение грубой силы без какой-либо квалификации, выведен за рамки государства Платона и составляет удел рабов, которые не включаются в государство ни Платоном, ни Аристотелем.

Само понятие простого труда у Платона невозможно по той причине, по которой в основе государства лежит качественное разнообразие труда:

Государство, — сказал я, — возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

— Нет, ничему иному.

— Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли? (369 с)

Несколько ранее в той же книге Государства Сократ Платона говорит о справедливости, имеет в виду этот общественный элемент власти и управления. Правитель не может заботиться только о своей выгоде, в первую очередь он должен думать о том, чтобы его подчиненные будь то кормчий или пастух как можно лучше делали свою работу, поскольку ее качественное отличие от других гарантирует само существование и правителя и подчиненного. Подлинная мудрость и польза правителя не только не противоречат общественной справедливости, но тесно с ней связана.

Если обратиться к диалогу Протагор, то здесь, определяя непосредственное благо, Сократ вынужден признать, что в мире чувственных вещей такового не существует. Благо обязательно сопровождается злом.

Мудрость же состоит в том, чтобы с помощью весов разума взвешивать добро и зло, как следствие своего поступка, при этом мудрым решением будет такое, которое наиболее дальновидно, т. е. учитывающее отдаленные последствия, которые по своей природе не могут быть отделены от общественного блага в целом. Так, рассматривая такую общественную добродетель как мужество, Сократ показывает, что в ее основе лежит мудрость как способность суждения, и, соответственно, как знание:

Я спрошу тебя только об одном, сказал я, — Кажется ли тебе по-прежнему, что бывают люди, хотя и очень невежественные, но в то же время в высшей степени мужественные?

Кажется мне, Сократ, — сказал Протагор, — что ты упорно настаиваешь на том чтобы я отвечал,.., и быть может я сделаю тебе приятное и скажу, что на основании прежде признанного, мне это кажется невозможным. (Протагор 360e).

Приведенные два примера мудрости, а именно мудрость политика и мудрость (как мужество) воина имеют под собой одну основу, а именно принципиальную возможность выбора, опирающуюся на исходное, природой определенное различие. Именно это различие между лучшим и худшим, ткачеством и земледелием восходит в свой основе к базовым характеристикам человеческой природы, носящим онтологический, т. е. бытийственный характер.

Наличие т. н. простого труда и его носителей возникает по Платону в олигархическом строе и несет гибель всему государству, поскольку отрицает исходную основу справедливости, а именно, природное разделение людей и занятий:

— Посмотри, ни при таком ли именно строе разовьется величайшее из всех этих зол?

— Какое именно?

— Возможность продать все свое имущество — оно станет собственностью другого, — а продавши, продолжать жить в этом же государстве, не принадлежа ни к одному из его сословий, то есть не будучи ни дельцом, ни ремесленником, ни всадником, ни гоплитом, но тем, кого называют бедняками и неимущими.

— Такой строй словно создан для этого!

— При олигархиях ничто не препятствует такому положению, иначе не были бы в них одни чрезмерно богатыми, а другие совсем бедными.

— Верно. (Государство 552 b).

Как мы видим, эта антиномия свойственна только европейскому социализму как общественно-политическому течению. Появление пролетария как результата освобождения труда привело к тому, что в своей массе он стал представлять собой абстрактную рабочую силу, что вполне соответствовало классической теории стоимости, которая и составила основное представление о труде как количестве времени, затраченного на производство любого товара.

Это представление было распространено и среди филантропов, так, создавая колонию в Нью Гармони, Р. Оуэн стремился сформировать у работников новые потребности, обращая внимание на распределение уже заработанного, рассматривая сам процесс труда как соединение абстрактной рабочей силы, каковой собственно и являлись рекрутируемые им работники, с любым возможным производством. Т.е. любой человек способен выполнять любую работу. Дело в том, для филантропа, рабочий, как пролетарий, имеющий или не имеющий работу был конечным продуктом социальных преобразований, которые рассматривались ими как естественный процесс, обнажающий истинную природу труда. Этим во многом и объяснялись неудачи Оуэна, поскольку в Нью-Гармони он создавал колонию с самого ее основания, в то время как удачный эксперимент в Лэнарке опирался на уже работающее предприятие, с установившемся разделением труда. [4]

Обатимся теперь к четвертой антиномии, которая представляет собой основную антиномию социализма. Обращаясь к возможному опыту распределения по социалистическому принципу, А. Богданов писал следующее: «Вначале, пока размеры производства еще не очень велики, а коллективизм еще недостаточно вошел в плоть и кровь членов общества, так что и в сотрудничестве еще должны сохраняться элементы принудительности, распределение служит и средством дисциплины: каждый получает для потребления долю продуктов, соответствующую количеству труда, которое он дал коллективу. Потом, когда рост производства сделает ненужной тщательную экономию продуктов, а развитие духа трудового коллективизма — всякую принудительность, тогда и в распределении установится полная свобода для работника потребителя: отдавая обществу все, что он может дать ему по своим силам и способностям, он будет брать от него все нужное по своим потребностям». Далее А. Богданов отмечает, что «Сложность новой организации распределения, очевидно, должна быть громадна и требует такого развития статистического и осведомляющего аппарата, до какого нашей эпохе еще очень далеко». [2]

Как мы видим, вопрос о распределении в условиях общественной собственности, один из теоретиков социализма считает очень сложным

и это подтверждается тем, что советская экономика так и не смогла решить этот вопрос, что и привело вначале к хозрасчету, а затем и к глобальной перестройке.

Несмотря на кажущуюся схожесть распределения у Платона с распределением при социализме, отметим, в первую очередь те различия, которые вполне могут свести эту устоявшуюся аналогию к ее отрицанию.

Во-первых зададимся вопросом о том где у Платона речь идет о распределении, на основе общности имущества. В диалоге Государство эта общность имущества присутствует только у сословия стражей. Для того, чтобы выяснить какую роль общность имуществ играет в сословии стражей, обратимся к материалу диалога:

— А где большинство говорит таким же образом и об одном и том же: «Это–мое!» или «это–не мое!», там, значит, наилучший государственный строй.

— Да, наилучший.

— То же и в таком государстве, которое ближе всего по своему состоянию к отдельному человеку: например, когда кто-нибудь из нас ушибет палец и все совокупное телесное начало напрягается в направлении к душе как единый строй, подчиненный началу, в ней правящему, она вся целиком ощущает это и страдает части, которой больно; тогда мы говорим, что у этого человека болит палец. То же выражение применимо к любому другому [ощущению] человека — к страданию, когда болеет какая-либо его часть, и к удовольствию, когда она выздоравливает.

— Да, то же самое. Вот это и есть то, о чем ты спрашивал: к состоянию такого государства полностью приближается государство с наилучшим устройством.

— Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо и зло, такое государство обязательно, по-моему, скажет, что это его собственное переживание, и всё целиком будет вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть.

— Это непременно так, если в государстве хорошие законы. (462 с-е)

Собственность в данном контексте представляет собой угрозу описанному состоянию всеобщего братства и рассматривается со своей отрицательной стороны. Ее распределение связано с общим потреблением, которое приближено к варианту походного потребления. Здесь Платон как бы предвосхищает основное свойство военной экономики, которая сосредоточена на распределении, но не производстве. При этом, следует отметить, что сосредоточение и правильное распределение ресурсов здесь обеспечивает успех военных предприятий. То есть мы хотим сказать, что

военный социализм Германии в 1915 году развился из собственной логики войны и ничего общего с социализмом как общественно политическим движением не имел.

Описывая сословие воинов, Платон скорее обосновывает именно эту сторону военной организации, в противном случае, то есть если рассматривать всеобщее братство как общество, основанное на принципах социализма, мы вынуждены будем записать в социалистические институты египетских мамелюков и турецких янычар.

Для социализма, явившегося откликом на бедственное положение рабочего класса, собственность не была злом и не несла никаких отрицательных последствий, проблема заключалась лишь в форме собственности. Являясь благом, эта собственность должна была обеспечивать все возрастающие потребности граждан, исходя из возможностей социалистической экономики.

В случае же вознаграждения по труду, когда в труд представлял собой абстрактную категорию простого труда, вознаграждать по реальному, то есть качественному труду оказывалось невозможным делом, что, в конечном счете, приводило к исходному уравнительному принципу социализма. Общественная собственность должна была воспитать из пролетария среднего европейца потребителя, на что в свое время обращал внимание К. Леонтьев. [6]

Если же обратиться к платоновскому принципу вознаграждения за труд за пределами воинского сословия, то мы видим, что здесь нет никакого абстрактного принципа распределения — каждый качественный труд оплачивается по его природе. В соответствии с природой этого труда, его материальную основу составляет собственность, которая не является предметом потребления и присвоения в любой форме, но представляет собой средства производства: ткацкий станок, корабль, кузницу и пр. В такой форме собственности осуществляется идеал Аристотеля о ее оптимальном характере, а именно, владеть по отдельности, пользоваться сообща. Вознаграждение за труд здесь неотделимо ни от качества труда, ни от собственности, ни от ее общественного значения. Именно об этом, как считает Платон, должен заботиться правитель в первую очередь, соблюдая принципы справедливости. (Государство 344–345).

Таким образом, проблема распределения общественных благ у Платона и их производство существенно отличается от тех принципов производства и распределения, которые были свойственны социализму как общественно-политической теории.

Если рассматривать социализм как некий инвариантный вариант общественного устройства, обладающего «внеисторической природой», то вряд ли можно считать платоновскую модель основанием современного социализма. Видимость, основанная на поверхностном сходстве, как мы убедились на примере некоторых антиномий социализма, скрывает существенные различия, которые заставляют нас с осторожностью относиться к поспешным выводам о т. н. социализме Платона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксельрод П. Б. Кто изменил социализму? (большевизм и социальная демократия в России) // О революции и социализме. М., 2010.
2. Богданов А. Краткий курс экономической науки. Социалистическое общество. 3 Распределение <http://www.economics.kiev.ua/index.php?id=1061&view=article#3>._
3 Распределение. Дата обращения 18.02.2016
3. Гончаров И. А. Диалектика пути вверх и вниз: этос инобытия в диалектике Платона//Платоновский сборник Т. I. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии (Т. 14, 2013).
4. Добролюбов Н. А. Роберт Овэн и его попытки общественных реформ // Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах. Том второй. Статьи и рецензии. 1859. М., «Художественная литература», 1987.
5. Лавров П. Л.. Примечания к к книге А. Шэфле Сущность социализма // Шэфле А. Сущность социализма. Женева, 1881.
6. Леонтьев. Средний европеец как орудие всемирного разрушения // К. Леонтьев «Восток, Россия и Славянство». М., 1996.
7. Маркс. К. Капитал. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23.
8. Туган-Барановский М. И. Глава I. Сущность и внутренняя природа социализма // Социализм как положительное учение, Едиториал УРСС, 2003
9. Флоренский П. Иконостас М., 2005.